

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ

ТЕРПИЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС, МОСКВА 2017 ГОД

Илья Деревянко

Терпилы

«СИЛК-ПРЕСС»

Дервянко И.

Терпилы / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС»,

«В бирюзовом небе светило ясное утреннее солнце. Шаловливый ветерок легонько потрепывал сочную листву ухоженных садов. Беспечно щебетали птицы. Приятно пахло свежескошенной травой. (Накануне вечером, словно сговорившись, почти во всех дворах элитного дачного поселка усердно поработали газонокосильщики.) Красный трехэтажный особняк с остроконечной крышей, обнесенный железобетонным забором с колючей проволокой, стоял несколько на особицу от остальных домов, ближе к шоссе. Метрах в ста пятидесяти от бронированных ворот особняка высилась стена девственного хвойного леса...»

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Илья Деревянко

Терпилы

Терпила – на криминальном, а также милицейском жаргонах означает – потерпевший (т. е. жертва какого-либо преступления).

Все имена, фамилии, прозвища главных действующих лиц, равно как и названия банков, фирм, улиц, увеселительных заведений и т. д., – вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

8 июля 2002 года. Окрестности города Н-ска. Утро

В бирюзовом небе светило ясное утреннее солнце. Шаловливый ветерок легонько потрепывал сочную листву ухоженных садов. Беспечно щебетали птицы. Приятно пахло свежескошенной травой. (Накануне вечером, словно сговорившись, почти во всех дворах элитного дачного поселка усердно поработали газонокосильщики.) Красный трехэтажный особняк с остроконечной крышей, обнесенный железобетонным забором с колючей проволокой, стоял несколько на особицу от остальных домов, ближе к шоссе. Метрах в ста пятидесяти от бронированных ворот особняка высилась стена девственного хвойного леса. И оттуда, из леса, через оптический прицел снайперской винтовки внимательно наблюдал за воротами жилистый молодой человек в неприметной среди зелени, специально подобранной одежде. К предстоящей акции убийца подготовился основательно. Потратив без малого три недели на всестороннее изучение «заказанного», он выяснил «от и до» распорядок дня будущего терпилы, основные места посещения, маршруты передвижения, привычки, увлечения. Без труда разобрался в системе охраны. В результате скрупулезного анализа собранной информации убийца пришел к выводу: наиболее подходящими для ликвидации являются две точки – одна в черте города, вторая – за его пределами. Первая представляла собой ночное казино, которое любила посещать «мишень», вторая – загородный дом, где «заказанный» проводил выходные вместе с семьей. Хотя и там и там, в принципе, можно было действовать с равным успехом (удобные позиции для стрельбы, надежные пути отхода, минимум потенциальных свидетелей) – убийца без колебаний выбрал вторую точку. И вот почему. Недавно у казино некие злоумышленники расстреляли из автоматов известного водочного «короля» Моисея Гадюкина, и *тут* охранники «объекта» бдили вовсю: вертели головами налево-направо, не снимали пальцев со спусковых крючков пистолетов и т. д. и т. п. Естественно, пара-тройка узколобых «быков» профессионалу не помеха. И тем не менее... Вдруг кто-нибудь из них от избытка рвения случайно блокирует директрису¹ в последний момент и примет на себя предназначенную терпиле пулю? Черт бы с ним, с дураком безмозглым, но тогда будет потеряно драгоценное время и «мишень» может сориентироваться в ситуации: залечь, юркнуть за ближайшую машину... Не факт, конечно, совсем не факт! Однако наш «герой» случайностей не любил. Кроме того, благодаря скоропостижной кончине господина Гадюкина казино теперь порядком засвечено, милиция проявляет к данному заведению нездоровый интерес. Пускай постперестроечные менты работают из рук вон плохо, прибудут наверняка с большим опозданием, но... профессионал обязан исключить

¹ Директриса – направление, в котором ведется или должна вестись стрельба. (Здесь и далее примечания автора.)

(по возможности) даже минимальную вероятность излишнего риска. Зато на второй точке – все тихо, спокойно. Городские стражи порядка далеко, а местных кот наплакал. Да и те какие-то вялые, полусонные. Здешние аборигены привыкли полагаться на собственных секьюрити. А на соседей каждому из них плевать. С высокой колокольни!

Правда, особняк терпилы очень напоминает крепость, но убийца не собирается лезть внутрь. Гораздо проще подождать, пока «заказанный» выедет из ворот на машине, да «сработать» и его и всех, кто находится рядом, по нулевому варианту.²

Оптимальное время – утро понедельника. Между девятью и десятью часами. Тогда «мишень» отправляется в город после выходных: отдохнувшая, выспавшаяся и... морально расслабившаяся! Последнее обстоятельство, кстати, значительно облегчает выполнение задачи...

Убийца покосился на наручные часы – двадцать восемь минут десятого. «Гм, пора бы уж!!!» Заскрежетали раздвигаемые автоматикой ворота. Из усадьбы неторопливо выкатил черный джип с охраной и немного погодя новехонький «Мерседес» терпилы. Сквозь оптический прицел просматривались как на ладони трое крепких мужиков в первой машине, а во второй – сам «заказанный», светловолосая женщина на заднем сиденье и молодой, коротко стриженный шофер за рулем.

«Раз... два... три... четыре выстрела. Телохранителям хватит пули в бензобак!» – быстро прикинул в уме убийца и слился с винтовкой в единое целое...

² То есть насмерть, наповал.

Часть I

Первоначальное накопление

Глава 1

4 июля 1993 года. Г. Н-ск, 11 часов утра

Жирная, синевато-зеленая муха, нудно зудя, выписывала круги под потолком. Через настежь распахнутое окно в бедно обставленную комнату проникали уличный шум, запахи выхлопных газов и палящие лучи солнца. Столбик термометра показывал 29 °С. Несвежий воздух, казалось, насквозь пропитался пылью. Лицо сидящего на стуле грузного седого мужчины взмокло от пота. Влажная рубашка противно липла к неровно дышащей груди. Однако шестидесятипятилетний пенсионер Николай Иванович Хомяков не обращал внимания ни на жару, ни на духоту. Душу старика терзало отчаяние. «Попался, как кур в ошип! – уставившись помутневшими глазами в обшарпанную стену, со щемящей тоской думал он. – Потерял абсолютно все! И надо же было поверить этим прохвостам?! Задурили голову да обобрали до нитки, мерзавцы! Будь они трижды прокляты!!!»

В начале лета 1993 года Николай Иванович приобрел акции бурно разрекламированного в средствах массовой информации АО «Эльбрус». Приобрел в надежде обеспечить себе и жене, Лидии Андреевне, спокойную сытую старость. Особо сильное влияние оказала на Хомякова телевизионная реклама. Каждый час по всем каналам хорошенькие, мило улыбающиеся барышни настойчиво советовали покупать акции «Эльбруса»: «Они не менее устойчивы, чем одноименная гора, а вырастут в цене до гораздо больших размеров! Смотрите не опоздайте! Время – деньги!!!» Солидный пожилой господин, представлявшийся Семеном Семеновичем, стоя рядом с роскошной виллой на берегу Средиземного моря, степенно рассказывал зрителям, как он, в прошлом обычный работяга, живший на скромную пенсию, в один прекрасный день приобрел акции «Эльбруса» и в результате сказочно разбогател. Теперь для него не существует никаких финансовых проблем – собственная вилла, собственная яхта, несколько дорогих автомобилей, дом в Париже, внушительный счет в банке и т. д.

Отныне Семен Семенович заботится лишь об одном – куда девать избыток капитала? Ведь деньги должны «крутиться», приносить прибыль! И неизменно приходит к выводу: ну конечно же в «Эльбрус»! Только там залог успеха! Показывали телезрителям и прочих счастливых, в мгновение ока взлетевших на вершину благополучия. Естественно, благодаря «добрым мудрецам» из руководства «Эльбруса»!

Подобно большинству людей, выросших при социализме, Николай Иванович привык воспринимать то, что говорится по телевизору, как некий голос Государства. Раз обещают с телеэкрана – значит, не просто так! Значит, ВЛАСТИ гарантируют! Тем более и сами государственные мужи (типа Егора Гайдара) неустанно твердили гражданам: «Наступила новая эпоха! Рынок! Демократия! Свободное предпринимательство! Пускайте деньги в оборот! Обогащайтесь! Хватит прозябать в нищете!!!»

И доверчивый Хомяков решил обогащаться: продал квартиру, мебель, залез по уши в долги, на вырученную сумму закупил акции «Эльбруса» и вместе с женой принялся дожидаться «золотого дождя». А взамен проданной квартиры супруги сняли небольшую комнатку на промышленной окраине города. Они не рассчитывали задерживаться здесь надолго и строили радужные планы на будущее. Собирались в круиз по южным морям, спорили, в какой

стране лучше обзавестись недвижимостью (муж предпочитал Кипр, жена – Италию). Со сладостным замиранием сердца следили за ростом котировок «Эльбруса», но... неделю назад грянул гром!!! Основная контора и разбросанные по городу филиалы Акционерного Общества внезапно закрылись, оставшиеся там немногочисленные служащие беседовали с ошарашенными вкладчиками исключительно через двери и не могли вразумительно объяснить случившееся: «Распоряжение начальства... А где оно, ваше начальство? Почему телефоны центрального офиса не отвечают?... Понятия не имеем! И вообще, граждане, идите-ка по домам! Иначе милицию вызовем!!!» Спустя двое суток акционеры «Эльбруса» окончательно поняли, что их беспардонно облапошили. У филиалов и основной конторы АО начали собираться стихийные митинги. На четвертый день толпа обманутых вкладчиков попыталась взять штурмом центральный офис с затаившимся внутри генеральным директором Коротичем В.П., но была встречена заслоном ОМОНа. В ходе ожесточенной схватки изрядно пострадали обе стороны (сломанные кости, отбитые внутренности, расквашенные лица). Однако, в конечном счете, победа осталась за хорошо экипированными омовцами. Двух акционеров насмерть затоптали в образовавшейся после разгона давке. С тех пор открытых столкновений с милицией не происходило. Зато регулярные митинги принимали все более яростный характер. Сегодня, с утра пораньше, Лидия Андреевна отправилась на очередное подобное мероприятие. Николай Иванович остался дома. Он уже понял – дергаться бесполезно. Поезд ушел!!!

В настоящий момент несчастный старик осмысливал свое поистине безвыходное положение. Ни жилья, ни имущества, ни денег! Все полетело коту под хвост! Сжираемых инфляцией пенсий (его и жены) не хватит не только на погашение долгов, но даже на оплату этой убогой комнатенки. В ближайшее время хозяйка квартиры, злобная и сквалыжная госпожа Степанова, без колебаний вышвырнет их на улицу.

«Сорок лет вкалывал на вредном производстве, заработал целый букет неизлечимых болезней, а теперь, значит, на помойку?! В компанию спившихся бомжей?! Или на вокзалах, на чердаках да в подвалах ночевать?! У станций метрополитена подаваний просить?! Уподобиться бродячей собаке?! Ну, не-е-ет!!!!» Хомяков утер выступившие на глазах слезы, тяжело поднялся со стула и медленно подошел к окну. Там он постоял с минуту, хрипло дыша, с грехом пополам взобрался на подоконник и решительно шагнул вниз с девятого этажа...

11 часов 45 минут. Центральный офис АО «Эльбрус»

– Гендирек-то-ра!!! Гендирек-то-ра!!! – хором скандировала огромная разношерстная толпа. Мужчины и женщины, старые и молодые – искаженные, потные лица, пылающие праведным негодованием взгляды, бурно вздымающиеся груди, стиснутые кулаки... Некоторые держали в руках самодельные транспаранты с надписями: «Верните наши деньги», «Мошенников под суд!», «Коротич, отправляйся на нары» и т. д. и т. п. Со стороны за обманутыми вкладчиками бдительно наблюдали усиленные наряды ОМОНа.

Сорокалетняя учительница средней школы Татьяна Борисовна Фомина стояла в первых рядах и, не отрываясь, смотрела на закрытые двери офиса. Вернее, на солидные бронзовые дверные ручки с причудливым узором. В висках Татьяны Борисовны пульсирующими толчками билась кровь. Мысли в голове путались, куда-то ускользали. Подобно пенсионеру Хомякову, она вложила в акции «Эльбруса» абсолютно все средства, которые сумела раздобыть. (Правда, комнату в коммуналке ей, по счастью, продать не удалось.) И сейчас, после крушения радужных надежд и грандиозных планов, бедняга находилась на грани безумия. Первые дни учительница еще верила в добропорядочность учредителей Акционерного Общества, надеялась, что происходящее не более чем досадное недоразумение и вскоре возникшие проблемы благополучно разрешатся. Фомина даже пыталась убеждать в этом товарищей по несчастью.

Однако к 4 июля иллюзии полностью развеялись. А накануне ночью Татьяне Борисовне приснился жуткий сон.

Она пришла в офис «Эльбруса» получать долгожданные дивиденды. К кассе тянется длинная очередь. Люди веселы: улыбаются, оживленно обсуждают друг с другом, как лучше потратить деньги. Из динамиков по углам несется бравурная музыка. На стенах – красочные плакаты с роскошными видами модных зарубежных курортов. Но есть одна странность, которой учительница поначалу не придает особого значения: дивиденды выдают не через специальное окошечко, а запускают вкладчиков вовнутрь кассового помещения. Запускать-то запускают, но вот обратно никто не возвращается! «Ничего страшного, – легкомысленно думает Фомина, – наверное, порядок таков!» Наконец подходит ее черед. Перешагнув через порог, Татьяна Борисовна оказывается в мрачной комнате без окон. Посередине зияет чернотой круглая, источающая зловоние дыра. Дверь за спиной захлопывается и самопроизвольно запирается на засов. Кассиров двое. Впрочем, кассиров ли?! Какие-то уродливые, мало похожие на людей существа в дурацких клоунских балахонах. Они молча набрасываются на онемевшую от страха женщину, срывают с нее одежду, с мясом выдирают из ушей сережки, жестоко избивают и сталкивают в вонючую яму. Учительница с воплем летит вниз, попадает в озерцо нечистот, тонет, захлебывается в дерьме и... просыпается в холодном поту.

Этот до ужаса реалистичный ночной кошмар воздействовал на впечатлительную Татьяну Борисовну довольно-таки скверным образом. Разум ее погрузился в сумеречное состояние. Фомина не умылась, не почистила зубы, не позавтракала, не обратила ни малейшего внимания на собственную шестнадцатилетнюю дочь, а на утренний митинг отправилась механически, словно зомби, толком не зная зачем...

– Смотрите! Вылез! Вылез из норы, гад!!! – гулом прокатилось по толпе.

На крыльце центральной конторы появился генеральный директор «Эльбруса» Владислав Павлович Коротич – сухонький узкоплечий дедок в строгом импортном костюме. На бледном морщинистом лице Коротича застыло испуганное выражение. Блеклые глазки затравленно бегали по сторонам. Генерального директора сопровождали двое дюжих парней в милицейской форме.

– Товарищи, попрошу сохранять спокойствие! – откашлявшись, заговорил он в мегафон надтреснутым, дребезжащим голосом. – Ничего особенного не произошло. Обычные технические неполадки временного характера! В ближайшие дни мы возобновим работу, и вы обязательно получите...

– Врешь, хрыч проклятый!.. Целую неделю мозги пудрите!!! Деньги на бочку!!! Сыты «завтраками» по горло!!! – прервали незадачливого оратора гневные выкрики из толпы.

Старичок ступешелся, попятился, а Татьяна Борисовна (доселе напоминавшая каменное изваяние) вдруг встрепенулась, неразборчиво выругалась и начала пробираться к нему, расталкивая народ локтями. Почудилось Фоминой, будто Коротич только притворяется человеком. На самом же деле это мелкий козлик пегой масти, трусливо цокающий раздвоенными копытцами. А охраняющие «оборотня» милиционеры – просто бездушные, безликие манекены, выставленные на крыльцо в качестве декорации. Добравшись до гендиректора, обезумевшая учительница собралась ухватить его обеими руками «за рога», но... неожиданно упала на спину и забилась в диком припадке, оглашая окрестности душераздирающими воплями.

Приехавшая по вызову сотрудников милиции «Скорая помощь» доставила Татьяну Борисовну напрямик в психиатрическую лечебницу.

14 часов 35 минут

Покинув шумный (и, как выяснилось, бесполезный) митинг обманутых вкладчиков, начинающий коммерсант – «челнок» Алексей Милованов 25-ти лет от роду – потерянно брел

по улице не разбирая дороги. Иногда он наталкивался на встречных прохожих, но никак не реагировал на возмущенную ругань в свой адрес. Молодой человек ощущал невероятное внутреннее опустошение. Будто чья-то чудовищная рука разом выдавила из него все жизненные соки. «Пропал! Пропал! Пропал!» – колотилась в мозгу Милованова одна-единственная обреченная мысль.

Месяц с небольшим назад, польстившись на сногшибательные обещания эльбрусцев, Алексей занял под гигантские проценты значительную сумму денег, которую целиком вбухал в акции, превратившиеся теперь в никчемные клочки бумаги. Кредитором Милованова являлся хозяин крупного вещевого рынка, некто Расул Магометович Хусейнов, по слухам, тесно связанный с чеченской криминальной группировкой.

– Учти, мальчик, не рассчитывайся ко второму июля – плохо будет! – пообещал «челноку» усатый, толстопузый господин Хусейнов.

– Не беспокойтесь, Расул Магометович! Обязательно рассчитаюсь! – уверенно улыбнулся тогда Алексей. – Дело-то беспроектное!

– А какое дело? – сощурившись, поинтересовался чеченец.

– Да так, эффективный оборот капитала в кратчайшие сроки! – уклончиво ответил Милованов.

– Ну-ну, – покачал головой хозяин рынка и добавил веско: – Не забудь. Я тебя предупредил!!!

Алексей остановился, попытался дрожащими руками достать из пачки сигарету, и тут рядом с ним резко затормозила серая «шестерка». Не успевшего опомниться коммерсанта грубо схватили чьи-то сильные руки и сноровисто затолкали на заднее сиденье. Водитель выжал газ. Прохожие на улице практически ничего не заметили. В пах Милованова ткнулось острие ножа.

– Сыды тыхо, щэнок, – негромко приказал сиплый голос с ярко выраженным кавказским акцентом. – Яйца отрэжу!

Ехали минут двадцать, растянувшись в сознании Алексея едва ли не на столетие. Конечно, целью путешествия оказался вещевой рынок Хусейнова, закрытый сегодня по случаю «санитарного дня». Двое здоровенных чеченцев отвели Милованова в одно из подсобных помещений, двинули пару раз под дых и скорченного бросили в угол. Третий (шофер) куда-то ушел, но вскоре вернулся вместе с Расулом Магометовичем.

– Ну, гаденыш, где мои деньги? – сквозь зубы процедил тот. Молодой человек принялся сбивчиво рассказывать о неожиданном, уму непостижимом крахе Акционерного Общества «Эльбрус».

– Понятно! – не дослушав, перебил хозяин рынка. – «Эффективный оборот капитала»... И-ди-от!!! Тебя обули, как последнего простофилю! Между прочим, у вас, у русских, есть отличная поговорка: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Напрасно ты о ней не вспомнил при покупке «сверхдоходных» акций... Впрочем, это твои проблемы! А меня интересует лишь одно: **каким образом** ты собираешься возвращать долг? Молчишь? Ладно, сейчас ты станешь очень разговорчивым... и покладистым!

Расул Магометович хлопнул в ладоши. Подручные, гнусно улыбаясь, толкнули в подсобку жену Милованова Тамару: плачущую, с синяком под глазом, в разодранном платье, с заклеенным скотчем ртом. Алексей с яростным криком вскочил на ноги, бросился на подонков с кулаками, но... жестокий удар локтем в грудь швырнул его обратно на пол. Дыхание у парня перехватило, на глаза навернулись слезы.

– Мои ребята немного с ней побаловались! – поглаживая пузо, усмехнулся господин Хусейнов. – Имеют же они право на культурный отдых?! А ты, собака, вытри сопли и хорошенько запомни: последний срок пять дней! Не найдешь деньги – пожалеешь, что на свет родился! И твоя баба тоже. Найдешь – отпустим обоих подобру-поздорову. Слово мужчины!!!

Кстати: не вздумай обращаться за помощью в милицию, иначе получишь женушку по почте: голову в одной посылке, руки в другой, ноги в третьей, туловище в четвертой... Понял, да?.. Прекрасно. Пшел вон! Бислан, проводи ублюдка!!!

Уже в коридоре, на полпути к выходу, до слуха трясущегося в лихорадке Алексея донесся отчаянный, протяжный стон Тамары, сопровождаемый звериным уханьем чеченцев. Очевидно, Расул Магометович снова разрешил «ребятам побаловаться»...

* * *

Очувтившись на свободе, Милованов, подгоняемый страхом за свою судьбу и судьбу жены, проявил чудеса изворотливости. Взял в банке кредит под залог квартиры, за полцены загнал машину отца и драгоценности матери, буквально на коленях выпросил у друзей взаймы... В результате к исходу пятого дня ему удалось собрать необходимую сумму (благодаря грабительским процентам в три раза превышающую первоначально полученную от Хусейнова). Однако чеченец не сдержал (да и не собирался сдерживать) данного «неверному» слова. Алексея с Тамарой отнюдь не отпустили «подобру-поздорову». Вместо этого их тайком переправили в самопровозглашенную республику Ичкерия и порознь продали в рабство, как бессловесную скотину на базаре...

Глава 2

Один из лучших ресторанов г. Н-ска. 19 часов 45 минут

– Ха-ха-ха!!! Ух-ха-ха!!! Классную аферу провернули!!! – держа в руке хрустальный бокал с шампанским, от души веселился ладный, темноволосый мужчина на вид лет тридцати с небольшим, с правильными (хотя довольно слащавыми) чертами лица, одетый в изящный костюм «с иголочки».

– Точно, Миша, блестящая операция! – хихикая, вторил ему плешивый субъект годков на пять постарше: в круглых очках, со вздернутым носом и непомерно оттопыренными ушами. – Чистая прибыль три с половиной миллиона долларов! Выпьем за успех?!

– Выпьем!

Бокалы встретились с легким звоном, французское шампанское устремилось в глотки...

Темноволосого звали Михаил Петрович Костюков, плешивого – Петр Семенович Голяков. Первый являлся подлинным, закулисным основателем финансовой пирамиды «Эльбрус», второй – его ближайшим сподвижником и одновременно – теневым бухгалтером.

Оба сидели в отдельном кабинете за богато сервированным столом и, как вы, наверное, догадались, праздновали то, что для тысяч обманутых вкладчиков стало катастрофой всей жизни. Угрызениями совести эти господа не мучились (по причине отсутствия таковой). И о судьбе покончивших с собой, сошедших с ума, проданных в рабство или просто выброшенных на улицу людей – соответственно не задумывались. Главное, денег наварили! Да еще сколько! Три с половиной миллиона долларов!!!

– Видел столпотворение у касс? Вот смехотища-то! – закусив шампанское ломтиком ананаса, с ухмылкой обратился Костюков к теневому бухгалтеру.

– Ага! – рыгнув, подтвердил тот. – Забавное зрелище! Лохи-терпилы наивно воображают, будто своими идиотскими митингами сумеют чего-то добиться. Умора, да и только! Впрочем... дуракам закон не писан!!! Выпьем?

– С-с-с удовольствием!!!

– По документам к нам не придерешься, – по прошествии полутора минут проговорил Голяков с набитым ртом. – Везде подписи Коротича да пустоголовой курицы Ивашкиной. Стало быть, с них и спрос! (Зинаида Аркадьевна Ивашкина числилась **официальным** бухгалтером АО «Эльбрус».)

При упоминании фамилии Коротича Михаил Костюков зашелся в приступе гомерического хохота.

– Старый пень! Ой, не могу!.. До самого конца верил! Ох, балбес!.. Что мы вкладываем средства в добычу алмазов! Ну-у-у debil!.. И обязательно расплатимся с акционерами! – задыхаясь, выхаркивал он.

Смазливое лицо основателя «пирамиды» набухло кровью, глаза горели в злорадном восторге, изо рта летели слюни. Теневой бухгалтер с одобрительной улыбкой на дряблых губах согласно кивал в такт.

– Смотрел сегодня телевизор, – нахохотавшись до упаду и утерев батистовым платочком взопревший лоб, сообщил Костюков. – Прямую трансляцию от центральной конторы. Рожи у терпил – о-бо-ссысьсь! Мокрые, багровые, зенки выпучены на рачий манер! Суется, транспарантами машут, галдят, толкаются, права качают... Я чуть со смеху не лопнул! А потом на крыльцо выполз лопух – Коротич собственной персоной. Попробовал успокоить народ, клятвенно обещал произвести выплату дивидендов. Ему, однако, не поверили и если бы не кордон

омоновцев – непременно разорвали на части. Старый хрыч поспешил ретироваться. Гы-гы-гы!!!

– И я смотрел! – погано осклабился Голяков. – Там еще одна бабенка с катушек съехала. Концерт закатила – охренеть! Ее «психовозка» забрала и отвезла в «санаторий». Ха!!!

– А Коротич начал мне на мобильник названивать, – откупорив новую бутылку, добавил Костюков. – Пришлось отключить. До чего же назойливый тип!!!

Прихлебывая охлажденное шампанское, оба подлеца цинично потешались над жертвами своей аферы и, упражняясь в остроумии, сыпали плоскими шуточками. Так продолжалось минут пятнадцать, пока подельники полностью не выдохлись.

– «Эльбрус» был великолепной затеей, с лихвой окупившей первоначальные затраты, – подытожил тогда теневой бухгалтер. – Знаешь, Миша, сейчас воистину золотое времячко! В законах – абсолютная неразбериха, у кормила государственной власти – люди вроде нас с тобой! Благодать! Но, к сожалению, это не может длиться вечно. А значит, пользуясь моментом, надо срочно браться за следующее дело! Я уже знаю, куда имеет смысл вложить капитал: вариант беспроигрышный, барыши огромные! Об «Эльбрусе» же отныне забудем. Документальных следов мы не оставили, козлов отпущения для общественности приготовили. В общем – ажур! Наша хата с краю, ничего не знаем! – Петр Семенович подбоченился и перекосил физиономию в торжествующей гримасе.

– Не все так гладко, как ты излагаешь, – внезапно нахмурился основатель «пирамиды». И, заметив озадаченный взгляд сообщника, пояснил с кислой миной: – Видишь ли, Петя, мы с тобой погрязли в эйфории, а посему я лишь теперь сообразил: определенный след все-таки остался! Понимаешь, старый пень Коротич давно со мной знаком и вполне способен наболтать лишнего. Конечно, в «органах» да в городской мэрии завязки надежные, но тем не менее...

Теневой бухгалтер мгновенно спал с лица, побледнел, задрожал в ознобе и испуганно забегал пороссячими глазками. Хитроумный финансовый пройдоха господин Голяков являлся по характеру отъявленным трусом. Даже призрачная, эфемерная вероятность понести наказание за содеянное повергала его в состояние животного ужаса. Петру Семеновичу сразу начали мерещиться стальные решетки, угрюмая камера, нары, грубые уголовные личности, зловонная параша у двери. А возле параша – он, родимый! Опущенный урками в первый же день по прибытии. Если же вдруг с тюрьмой пронесет, им непременно займутся разъяренные акционеры «Эльбруса». В лучшем случае измордуют до полусмерти, а в худшем, в худшем...

Теневой бухгалтер жалобно шмыгнул носом, пустил мутноватую слезу, сильно заикаясь, возопил:

– М-м-миша! М-м-миш-шень-ка-а! К-к-как же б-б-быть? Я н-н-начи-наю с-с-сходить с ума-а-а!!!

– Ликвидируем Коротича, и баста! – немного поразмыслив, сказал Костюков. – Есть у меня пара надежных людишек. Все будет обставлено как несчастный случай... или самоубийство.

– А З-з-зинка?! З-з-зинка Ив-в-ваш-шкина?! – не успокаивался теневой бухгалтер. – Она т-т-тоже с-с-след!

– Почему? – искренне изумился основатель «пирамиды». – Эта дура набитая ни черта не знает. И не соображает – ни в жизни вообще, ни в бухгалтерии в частности. У нее не голова, а кочан капусты. Ивашкина просто подмахивала приносимые ей бумаги. Не более того!

– Д-да, н-но б-бумаги, б-бумаги-то приносил ей я!!! – продолжал скулить обуянный страхом Голяков. – К-к-конечно, д-д-действовал я под ч-ч-чуж-жим именем, п-п-парик наде-вал п-п-предосторож-ж-жности р-р-ради, г-г-гримир-р-р-ровался, однако, М-миш-ша, п-п-подстрахов-в-ваться н-не п-п-помешает!!!

– Хорошо, подстрахуемся, – смерив подельника ироническим взглядом, снисходительно улыбнулся Костюков. – Не бзди, Петя! Разберемся с твоей Ивашкиной!!!

5 июля 1993 года. 2 часа ночи

Генеральный директор злополучного «Эльбруса» семидесятитрехлетний Владислав Павлович Коротич, пригорюнившись, сидел у открытого кухонного окна в своей просторной одинокой квартире (супруга Владислава Павловича умерла от рака два года назад, а взрослая дочь Ирина проживала с мужем-военным на противоположном конце страны). С наступлением темноты дневная духота сменилась приятной прохладой. Дул легкий освежающий ветерок. В ветвях росшего рядом с домом раскидистого тополя заливался серебристыми трелями невесть откуда взявшийся в центре огромного города шальной соловей. Спать Коротичу совершенно не хотелось. Невзирая на отсутствие жары, на лбу гендиректора блестели бисеринки пота, а сердце грызла смертная тоска. «Неужели сын моего лучшего друга меня обманул?! – с горечью думал он. – И вдобавок, подло подставил?! Я же его, маленького, на коленях качал, всегда относился как к родному, любил больше, чем собственную дочь!!! Когда деньги из касс неожиданно исчезли, Миша поначалу уверял, будто это временное явление, связанное с объективными трудностями, потом перестал отзываться на телефонные звонки (попросту трубку бросал) и, наконец, вовсе отключил телефон!.. Да, похоже, обманул, негодяй!!! А ведь клялся памятью отца, что дело честное, средства акционеров вкладываются в разработку алмазных месторождений! Покойный Петр небось со стыда в гробу перевернулся! А я – ветеран партии, Герой социалистического труда – очутился по уши в дерьме! Народ считает меня бессовестным грабителем. На улицу выйти стыдно... и опасно! Могут запросто пришибить! Нет, так дальше не пойдет! Надо обратиться в прокуратуру, рассказать все как на духу. Пускай Мишка-поганец срок мотает, баланду жрет».

– Эй, дед, о чем размышлялся? – бесцеремонно прервал размышления Владислава Павловича незнакомый мужской голос. Коротич судорожно обернулся. На пороге кухни стояли двое молодых людей: модно одетых, с накачанными мышцами, со стриженными под «ежик» головами, с бычьими шеями и с пустыми глазами.

«Каким образом они сюда попали? Дверь же была заперта! О елки-палки!!!»

– Ключи нам дал Михаил Петрович, – словно прочитав мысли старика, сказал один из незваных гостей.

– Шеф в курсе ваших душевных терзаний и велел вас успокоить, – добавил второй.

– Правда?! – в душе генерального директора всколыхнулась безумная надежда. – Значит, «Эльбрус» не липа? Значит, выплаты возобновятся и я верну себе доброе имя?!

– Насчет выплат не обещаю, но позора вы точно избежите, – ответил первый бугай, быстро шагнул к Коротичу и без замаха рубанул его ребром ладони в сонную артерию. Владислав Павлович потерял сознание. Посланцы Костюкова открыли в духовке газ на полную мощность, засунули туда голову бесчувственного старика, плотно затворили окно и шустро убрались восвояси.

Выйдя из подъезда, убийцы погрузились в потрепанную белую «Ниву», закурили по сигарете и выехали со двора на Буденновский проспект.

– Ну вот, Андрюха, по десять штук зеленых на рыло заработали! – весело обратился к товарищу сидящий за рулем. – Без проблем! Двигаем в ночной клуб «Сапфир», перекантуемся до утра, а там новый заказ. На такую же сумму!

– Слышь, Валя, вдруг «дичь» в бега подастся? Может, не станем тянуть резину, а прям щас ею займемся?! – взволнованно предложил Андрюха (по паспорту – Андрей Митрохин 1966-го года рождения).

– Нет! – жестко отрезал Валя (он же Валентин Елдашев). – Поспешность нужна только при ловле блох! Я уже продумал детальный план, и вообще – не лезь ко мне с дурацкими советами! Усвоил?

Хотя по возрасту Валентин был старше напарника всего на пару лет, однако обладал значительно большим «мокрым» опытом и, главное, пользовался неограниченным доверием работодателя – Михаила Петровича Костюкова. Поэтому Митрохин (сохраняя прежнее мнение) спорить с ним не стал и смиренно кивнул в ответ.

Удовлетворенный Елдашев правой рукой похлопал подельника по плечу.

– Не дрейфь, братан! – ухмыльнулся он. – Никуда та баба не денется, расклад просчитан до мелочей!!!

5 июля. 9 часов утра

В подвешенной под потолком клетке старательно чистил перышки зеленый попугай. Сквозь тюлевые занавесочки пробивались лучи солнца, падая на велюровую мягкую мебель, полированную стенку «Стелла», узорчатые ковры, хрустальные безделушки и прочие доказательства мещанского жизненного успеха. Во включенном радиоприемнике благовала популярная в начале девяностых группа «Дюна». По квартире разносился вкусный аромат жареного кофе. Устроившись перед зеркалом, Зинаида Аркадьевна Ивашкина – пухленькая тридцатилетняя, крашенная под блондинку женщина – старательно наводила макияж. Занятие, надо сказать, архиответственное, требующее предельной сосредоточенности. Тональный крем... тени на веки... стрелки на глаза... ресницы тушью... немножко подправить карандашом брови... контур губ... помада и, наконец, румяна на скулы...

– Аккуратненько!!! Кисточкой!!! Вот та-а-ак!!!

Ивашкина внимательно вгляделась в собственное отражение и осталась им очень довольна. «Очаровашка! Лапочка! Прелесть!»

– Зину-у-уля! – донесся с кухни басовитый голос ее матери, Ираиды Альбертовны Козьявиной. – Завтрак готов. Иди кушать, доченька!

– Иду, иду, – лениво откликнулась Зинуля, поправляя прическу. – Разливай кофе!

За столом обе женщины поначалу перемыслили косточки бывшему мужу Ивашкиной, Анатолию Сергеевичу: «Грубое животное! Неандерталец! Хам! Скотина! Изверг!» и т. д. (восемь месяцев назад «неандерталец» уличил жену в супружеской неверности, отхлестал ремнем по заднице и подал заявление на развод). Затем перешли к событиям, разворачивающимся вокруг АО «Эльбрус».

– Кабы неприятностей не возникло! – озабоченно поджав губы, сказала Ираида Альбертовна. – Шуму-то вокруг сколько!

– Ерунда! – беспечно махнула рукой «доченька». – Невелика проблема! Милиция на нашей стороне. Помнишь побоище у центрального офиса? Вломили хулиганью по первое число. Больше не сунутся. Побоятся! Хи-хи-хи!

Вчера в беседе с Голяковым основатель «пирамиды» охарактеризовал умственные способности Ивашкиной с предельной точностью. Она действительно являлась законченной дурой во всех отношениях, дальше своего носа ничего не видела, высшее экономическое образование получила лишь благодаря связям матери (в прошлом – директорши крупного гастронома), а в бухгалтерских тонкостях разбиралась не больше, чем мартышка в высшей математике. Потому-то Зинаиду и взяли на должность официального главбуха «Эльбруса».

Роль бездумной марионетки Ивашкину вполне устраивала. Никаких тебе забот! Несколько раз в день поставит подписи на документах, подсунутых нескладным, лохматым мужчиной из числа учредителей (фальшивые фамилию-имя-отчество Голякова Зинаида запамтовала), а дальше знай себе сиди в комфортабельном кабинете, надувайся спесью, покрики-

вай на секретаршу или по телефону с подругами болтай. Плюс высокая зарплата. Настоящая синекура!³

Связанная с «Эльбрусом» буря народного возмущения нашу дамочку ни капельки не беспокоила. **Ей-то платят регулярно!** Очередные деньги получила совсем недавно. В точно установленный срок!..

Рабочий день у главбуха начинался ровно в десять, однако госпожа Ивашкина никуда не спешила. Начальство, как известно, не опаздывает! Оно задерживается!!! Поэтому после завтрака дочь с матерью по новой перемыли косточки «извергу-неандертальцу», досконально обсудили последние сплетни из жизни знакомых, и только потом Зинаида начала неторопливо одеваться...

* * *

Сидя в раскаленной летним солнцем «Ниве», Елдашев с Митрохиным постепенно звели. Зная график работы центральной конторы, убийцы караулили терпилу с восьми утра. В данный момент часы показывали половину одиннадцатого, но «гребаная стерва» и не собиралась вылезать из дома. «Детальный план!!! Расклад просчитан до мелочей!!! Самоуверенный кретин!!! – мысленно кипел Митрохин. – Двинуть бы тебе в харю, недоумок!!!»

Валентин, в свою очередь, беспрерывно шептал матерные ругательства, кусал губы и с ненавистью косился на выразительно морщащегося Митрохина. Продлись так еще минут двадцать – подельники наверняка вцепились бы друг другу в глотки. Но тут, к счастью мокрушников, из наблюдаемого подъезда по-гусиному выплыла расфуфыренная мадам с щегольской сумочкой через плечо и принялась с важностью осматриваться по сторонам, очевидно в поисках такси.

– Объявилась, сука драная! – повернув ключ зажигания, облегченно выдохнул Елдашев...

* * *

Подъезд, в котором проживала Ивашкина, выходил не во двор, а прямо в так называемый Чайниковский проезд, расположенный неподалеку от центра города. Очутившись на улице, Зинаида Аркадьевна вознамерилась поймать машину поприличнее. Желательно иномарку. Не общественным же транспортом начальнице добираться?! К сожалению, ничего подходящего в окрестностях не наблюдалось. «Пора обзаводиться собственным автомобилем! – решительно подумала она. – По крайней мере, служебным... для почина! Скажу об этом лохматому учредителю, приносящему документы. Как его там?.. Впрочем, не важно! **Мою** просьбу обязательно...»

Завершить мысль женщина не успела. Стоявшая метрах в тридцати невзрачная «Нива» с заляпанными грязью номерами внезапно рванула вперед и со страшной силой долбанула бампером туловище главного бухгалтера. Ивашкину отбросило назад по ходу движения машины. При ударе об асфальт ее череп раскололся, как спелый арбуз. Тело немного подергалось в агонии и застыло. Около погибшей в считанные секунды собралась голосистая толпа любопытных. Случайно выглянувшая в окно Ираида Альбертовна Козьявкина, увидев произошедшее, дико, протяжно завывала. Приехавшая по вызову соседей «Скорая помощь» констатировала факт смерти. Прибывшая следом милиция составила надлежащий протокол и начала опрашивать потенциальных свидетелей. Те, как водится, давали путанные, противоречивые показания.

³ Хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда.

А злодейская «Нива» давным-давно скрылась с места происшествия и бесследно затерялась в уличных лабиринтах Н-ска...

Глава 3

Июль 1994 года, г. Н-ск. Пятница. 18 час. 20 мин

Презентация недавно созданного благотворительного фонда «Филантропия» проходила в просторном зале трехэтажного особняка, выстроенного в середине девятнадцатого века знаменитым итальянским архитектором и принадлежавшего до революции князьям Юсуфовым. После октябрьского переворота хозяева удрали за границу, а в здании последовательно размещались: революционный трибунал (приговоренных расстреливали прямо здесь, в подвале), кожно-венерический диспансер, психиатрическая лечебница и, наконец, курсы повышения квалификации провинциальных партийных функционеров. С 1991 года особняк пустовал. В начале 1994-го основатели фонда выкупили обветшавшее строение у городских властей, не жалея средств, отреставрировали, и сейчас оно выглядело как новенькое. И снаружи и внутри. По их замыслу, тут должна была базироваться администрация «Филантропии». Отделанный под старину зал заполняла толпа изысканно одетых мужчин и женщин: ультраправые политики (типа Новодворской), н-ская богема, звезды эстрады, представители современной российской буржуазии... Среди них сновали юркие угодливые официанты, разносившие напитки и закуску. Играла классическая музыка. Приглашенные на презентацию нувориши пытались (под стать обстановке) беседовать друг с другом на культурном языке и избегать привычного для многих из них уголовного жаргона. Правда, не у всех получалось.

– Вован, ты в натуре фуфло гонишь... Тьфу, блин! Я хотел сказать, Владимир Леонидович, предлагаемый вами контракт натуральная лажа! В смысле, не имеет под собой серьезных финансовых гарантий! – обращался к знакомому бизнесмену тучный господин в смокинге, с модельной стрижкой, с узким обезьяньим лобиком и с кое-как прикрытыми золотыми перстнями лагерьными наколками на толстопалой пятерне.

– Людк, а Людк, смотри на Вальку Фисташкову! – шептала на ухо подруге высокая художавшая дама в декольтированном вечернем платье. – Белый костюм идет ей, как корове седло. А бриллиантовое ожерелье уж вовсе не к месту. Офонарела, мочалка сраная! Ой, едрить твою... Я имела в виду, дорогая моя, что означенная госпожа Фисташкова на редкость вульгарная особа. Ни малейшего вкуса! – И т. д. и т. п.

Либеральные политики стеснялись гораздо меньше (попривыкли к грязным ругательствам в борьбе с идейными противниками и не считали их чем-то зазорным. Нормальная демократическая лексика, понимаешь). Но даже они старались материться потише. Все-таки великосветское мероприятие!!!

А всклоченные художники, спившиеся поэты и отмороженные «звезды» вовсе помалкивали, с нетерпением дожидаясь, когда закончится торжественная часть и начнется непосредственно банкет. Проще говоря, грандиозная попойка, где можно отбросить всякие там условности и безобразничать по полной программе! Как черт на душу положит!

В дальнем конце зала возвышалось нечто вроде подиума. На нем, взявшись под руки, стояли основатели фонда и ласково поглядывали на копошащиеся внизу «сливки общества». Идея презентации им очень нравилась.

– Внимание, внимание, дамы и господа! – взобравшись на подиум, провозгласил в микрофон кругленький престарелый живчик с румяными детскими щечками и блестящей лысиной. Знаменитый н-ский конферансье Жорж Касторкин, специально нанятый на сегодняшний вечер.

– Я предлагаю поднять бокалы за двух замечательных людей!.. Нет, не просто замечательных, а, без преувеличения, святых!!! Подлинных благодетелей рода человеческого, решив-

ших направить свои, тяжким трудом заработанные капиталы на помощь малоимущим, вдовам, сиротам, одиноким пенсионерам. – Жорж театрально закатил глаза и выкрикнул в профессиональном экстазе: – За Михаила Петровича Костюкова и за Петра Семеновича Голякова! Ура!!!

– Ура!.. Ура!.. Ура!.. – разногласно откликнулся зал.

«Благодетели» приветливо заулыбались, картинно раскланялись. Зал взорвался аплодисментами.

– Ты хорошо придумал с этим фондом! – не переставая улыбаться, шепнул Костюков бывшему теневому бухгалтеру «Эльбруса». – Теперь мы с тобой «святые», хе-хе! Попробуй сунься! Да и сама по себе «Филантропия» отличная крыша. Плюс дополнительный источник дохода. В общем, гениальная затея!

Польщенный Поляков выпятил грудь колесом. Благотворительный фонд являлся его любимым детищем и предназначался для отмывания денег, полученных поделщиками от черного риэлторства, проституции и торговли наркотиками. За минувший год они прочно обосновались в данных сферах криминального бизнеса и именно туда вложили три с половиной миллиона долларов, отнятых у обманутых акционеров «Эльбруса». Ни о какой реальной помощи малоимущим, естественно, речи не шло. Тем не менее, при рекламе означенного фонда в СМИ основной упор делали как раз на «помощь». Пускай добрые и наивные люди перечисляют средства на счета «Филантропии». Гы-гы!!! Лишние бабки не помешают! А в бумагах все будет чин чинарем! Тут Петр Семенович постарался на славу. Недаром накопил богатый опыт в области хитроумных финансовых махинаций... Между тем щедро проплаченный живчик Касторкин продолжал извергать фонтан хвалебных эпитетов:

– Чистейшие, благородные души!.. Пламенные сердца!.. Кристальная честность!!! Необычайное человеколюбие!.. – и прочая, прочая, прочая...

«Сливки общества» реагировали должным образом. Голяков с Костюковым не жили в лучах славы. Неожиданно в кармане Петра Семеновича запищал пейджер.

– Я отлучусь ненадолго, – прочитав выступавшую на зеленом экране черную строчку, тихо сказал он сообщнику. – Кажется, что-то срочное!

Костюков согласно кивнул, спустился с подиума и смешался с толпой приглашенных, благосклонно принимая сыпавшиеся отовсюду комплименты...

Голяков вернулся лишь через два часа. К тому времени торжественная часть завершилась, в зал принесли столы, стулья, и началась столь вожаемая «творческими личностями» часть неофициальная, или, точнее, разнузданная оргия. Классическую музыку давно отключили. В помещении висел густой мат, перемежаемый пьяными выкриками успевших быстро надраться «сливок общества». Заслуженный н-ский бард Борислав Гольдман (из поколения шестидесятников), остервенело брэнча на гитаре, орал похабные частушки. На подиуме известная современная поэтесса Аделаида Малявкина, придурковато хихикая, демонстрировала стриптиз. Некоторые бизнесмены из бывших уроков, полностью перейдя на феню,⁴ агрессивно выясняли отношения. Озверевший от спиртного солист рок-группы «Металлолом» с эстрадным псевдонимом Таракан, сосредоточенно высматривал на столе блюдо поувесистее, намереваясь шарахнуть им по башке кого-нибудь из коллег по шоу-бизнесу. Короче, веселье бурлило всюду!..

– Миша, есть серьезный разговор! – притронувшись к плечу Костюкова, негромко произнес озабоченный, насуспенный Петр Семенович. – Давай-ка выйдем на пару слов!

⁴ Воровской жаргон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.